

Гертайн Симплисо

*Слова, всего
лишь слова...*

Переводы Николая Семченко

Гертайн Симплисо

Слова, всего лишь слова...

«Издательские решения»

2015

Симплисо Г.

Слова, всего лишь слова... / Г. Симплисо — «Издательские решения», 2015

О Гертайне Симплисо почти ничего неизвестно. Как о том же Викторе Пелевине. Поэт-невидимка. Видимо, он работает в одной из крупных корпораций, связанных с производством продуктов питания. Родился в 1953 году. В его текстах – отзвуки бесед с Лао Цзы, Катуллом, Платоном, Мих. Кузминым, «Серрапионовыми братьями», Готье и другими давно жившими людьми. Переводы Николая Семченко открывают читателям по существу нового уникального автора, продолжающего традиции Уолта Уитмена («Листья травы»).

© Симплисо Г., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Шорох листьев травы	7
Всё повторится	8
Единственный друг	9
Читая Сомерсета Моэма	10
Набросок №33 на салфетке	11
Пора бы мне...	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

**Слова, всего лишь слова...
Переводы Николая Семченко
Гертайн Симплисо**

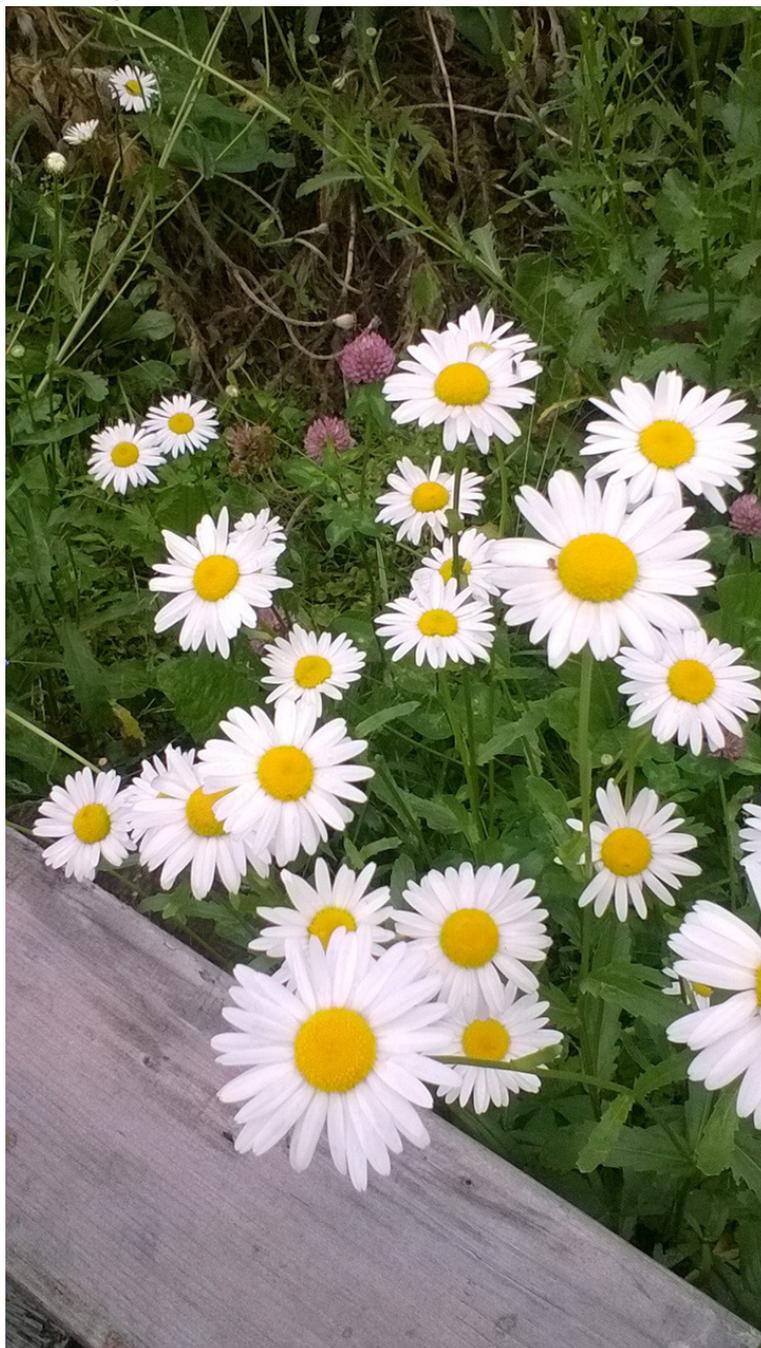
© Гертайн Симплисо, 2015

© Николай Семченко, перевод на русский, 2015

© Николай Васильевич Семченко, фотографии, 2015

Корректор Ирина Проскурина

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Шорох листьев травы (вместо предисловия)

Когда-то Корнея Ивановича Чуковского поразили «Листья травы» Уолта Уитмена. Поражённый, он перевёл их на русский язык.

Я не Чуковский. Но тоже поражённый. Небольшая книжечка Гертайна Симплисо (Certain Simplyso) «Слова, всего лишь слова...» произвела невероятное впечатление. Такое ощущение, будто этот человек знает, о чём думаю, чего хочу, что происходит...

Свободное стихотворение – это всегда и просто, и сложно. Порой мне хочется назвать такие тексты ритмической прозой. В китайской литературе, к примеру, существует такой особый вид ритмических текстов. Или тургеневские стихи в прозе. Или того же «буревестника революции» Максима Горького. Или... Список можно продолжить.

Но вот есть Ксения Некрасова. Поэт. Некоторые её стихи – тоже свободные. Но не проза. Скорее всего, Гертайн Симплисо ближе к ней, чем к Тургеневу.

Он работает в одной из крупных корпораций, связанных с производством продуктов питания. Родился в 1953 году. В его текстах – отзвуки внутренних бесед с Лао Цзы, Катуллом, Платоном, Мих. Кузминым, «Серапионовыми братьями», Готье и другими давно жившими людьми.

Может быть, что-то из его текстов будет интересно и вам?

Николай Семченко

Всё повторится

*Посвящается Мишель,
которая не знает об этом.*

...и всё повторится!
это правда – не бывает конца:
горизонт всегда впереди,
и даже с вершины Эльбруса
он виден внизу.
...и всё повторится —
эта трава, от росы тяжёлая,
и внезапная радуга в небе,
и метель холодно-весёлая,
и мёд на кусочке хлеба,
и хрупких незабудок наивность смелая,
и птицы молодой песнь неумелая, —
всё повторится,
но мы, из атомов собранные заново,
притянемся ли друг к другу снова?
А пока нам
снятся сны
не одинаковые...

Единственный друг

Ты вошёл без стука —
в свою жизнь только я
вхожу так.
Без одежд и без слов,
нужных кому-то, только не мне,
— но и тебе они не нужны.
Ты не просил принять
и понять тебя —
это не нужно,
еслиходишь как мятежник в столицу.
Ни богатство,
ни слава,
ни даже любовь
тебе не нужны —
я знаю;
и если за чем ты гнался,
так это за собственной тенью,
и однажды в полдень
наступил на неё,
как на трофей —
удачливый охотник,
ты хотел чего-то ещё...
Но я так не и узнал — чего:
ты в дверь постучал — телеграммой:
тебя больше нет.
И дверь осталась открытой,
но в неё *никто не смеет* входить.

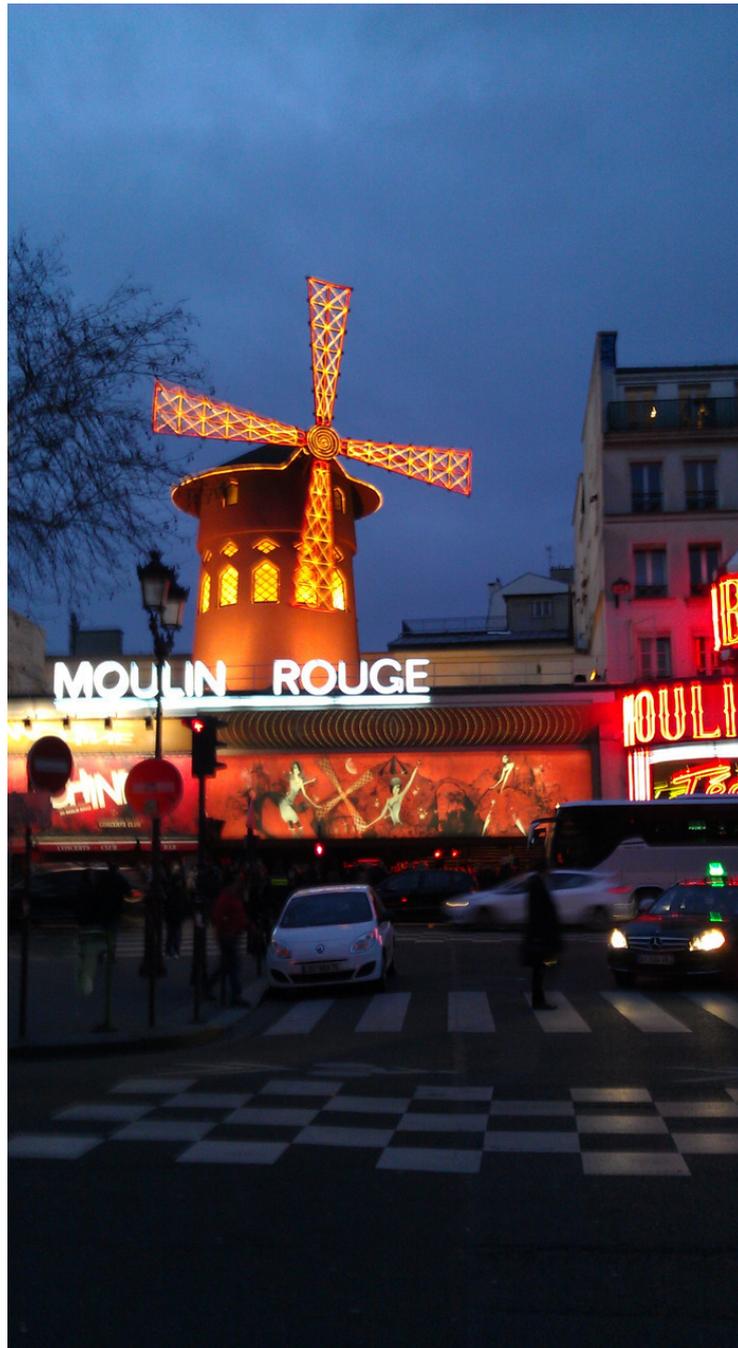
Читая Сомерсета Моэма

Я хотел увидеть тебя в 60 лет,
мне казалось: ты не будешь старушкой,
а если и будешь – совсем незаметно,
просто станешь взрослей,
но бандану не снимешь,
и, напевая «Леди Джейн»,
по-прежнему легко нарисуешь на губах улыбку:
«Привет! А я как раз варю кофе по-мароккански...»
твоя кошка чихает от перца – как прежде,
а у меня кружится голова,
и весь мир – вверх тормашками...
когда тебе будет шестьдесят лет,
ты наконец-то выйдешь из монастыря науки,
весёлая профессорша с кучей званий,
наград, монографий и оравой учеников
– великая,
я так и не понял твоих теорий, а может, и не хотел понять.
«Привет! Ты прочитал «Театр»?
– в ответ качну головой: «Дочитываю...»
Тридцать три года назад
там, на вокзале,
ты небрежно втиснула книгу в руку,
которой я хотел погладить твои волосы,
взмахнула ладошкой: «Счастливо!» —
и пошла, не оборачиваясь, и ладошку не опускала:
счастливо – пока – до свиданья – будь,
и не забудь о чёрном перце для кофе...
А потом, уже в другом городе,
разбирая багаж, я нашёл пластинку
«Тюльпаны из Амстердама»,
и на ней надпись:
«Мне никогда не будет 60 лет, не надейся».
Когда вчера я выбежал за чёрным перцем
– как был, нараспашку, вдруг понял:
потерялся на 33 года —
ты вспоминала, что я не принёс перец?
а может, это уже не важно?
Я тебя никогда не увижу.
А надеялся: вот будет 60 лет...
Не будет.

Набросок №33 на салфетке

когда ты рассказываешь,
что делал с ней вчера —
в постели,
на подоконнике,
столе, стуле,
крышке рояля,
а, может, даже
абажуре, —
и она была как кошка,
а сегодня едва узнала тебя,
пожала плечами,
нарисовала на губах улыбку
и сказала: «Разве что-то было?» — я думаю:
ей даже черный маркер
не нужен, чтобы вычеркнуть
тебя из записной книжки —
того, кто «просто так»,
«между прочим», «для гормонов»
или «здоровья» — не вычёркивают:
его как бы и не было вовсе.
Ты ещё не знаешь:
вычёркивают карандашом —
если надежда жива;
чёрным маркером —
навсегда, потому что любят;
и нет такого ластика,
который сотрёт зачёркнутое...
а для тебя даже
искать карандаш
не пришлось:
тебя не было в записной книжке.
А ты рассказываешь,
что делал вчера...
когда ты рассказываешь
что делал с ней вчера — в постели
на подоконнике
столе стуле
крышке рояля
а может даже
абажуре —
и она была как кошка
а сегодня едва узнала тебя
пожала плечами
нарисовала на губах улыбку
и сказала: «Разве что-то было?» —

я думаю:
ей даже черный маркер
не нужен чтобы вычеркнуть
тебя из записной книжки —
того кто «просто так»
«между прочим» «для гормонов»
или «здоровья» – не вычёркивают:
его как бы и не было вовсе.
ты ещё не знаешь:
вычёркивают карандашом —
если надежда жива;
чёрным маркером —
навсегда потому что любят;
и нет такого ластика
который сотрёт зачёркнутое...
а для тебя даже
искать карандаш
не пришлось:
тебя не было в записной
книжке
а ты рассказываешь
что делал вчера...

Пора бы мне...

*Пора бы стать мне взрослым!
Серебристые паутинки запутались в волосах —
шампунем не смыть; на непогоду ноют кости,
и утром приходится ускорять шаг,
чтобы придать походке лёгкость...*

Пора бы мне перестать мечтать: о морях – океанах, алых парусах, сиреневом тумане, рассвете на вершине самой высокой горы мира, белом песчаном пляже, и кокосовой пальме, и длиннохвостом ярком попугае на ней, и розовых кораллах... ах, Боже мой, да мало ли о чём ещё мечталось! Пора бы мне научиться держать режим дня: укладываться и вставать по расписанию, ходить на обед по звонку, принимать лекарства в положенное время, перед сном гулять и дышать свежим воздухом, а, может, даже купить наконец-то спортивный костюм и кроссовки – и побежать, как обещал когда-то то ли самому себе, то ли кому-то рядом с собой; бегом – за здоровьем, или бегом – от всего, что надоело? И не страдать бессонницей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.